

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Записки архіепископа Саввы раздѣляютъ судьбу почти всѣхъ подобнаго рода произведеній: ихъ современность обратно пропорціональна ихъ изобразительности, живости и „чѣмъ ближе день—блѣднѣе тѣни“, чѣмъ современнѣе излагаемыя событія, тѣмъ тусклѣе и безжизненнѣе дѣлаются эти описанія. Приходится сказать, что на разсматриваемомъ VIII томѣ это особенно замѣтно.

Повидимому и многолѣтній опытъ автора, умудреннаго знаніемъ людей и практической жизни, позволявшей ему видѣть этихъ людей во всевозможныхъ положеніяхъ, и безхитростная ихъ откровенность, не допускавшая даже мысли, что всѣ письма и отвѣты на нихъ сохраняются и полностью войдутъ въ автобіографіи, все это должно было сообщить Запискамъ особый интересъ и полноту. На самомъ же дѣлѣ предъ нами часто мелькаютъ цѣлыя страницы, напоминающія собою официальные отчеты епархіальныхъ вѣдомостей.

Трудно повѣрить, что эти страницы писаны той же рукой, которая потрудилась надъ первыми томами. Ни блесокъ остроумія, ни ѣдкой ироніи, ни рѣзкой, а подчасъ злой, критики, приправленной сарказмомъ, ничего здѣсь нѣтъ и слѣда, хотя человекъ оставался все тотъ же. Куда исчезло все это? И повиненъ ли въ этомъ авторъ? По моему глубокому убѣжденію—нѣтъ: виною всему служитъ наша Русская склонность поприкрыть, пропустить, показать, что все обстояло благополучно и ничего особеннаго не было, хотя „особенное бываетъ всегда и вездѣ“.

Осьмой томъ Записокъ архіепископа Саввы начинается 1886 и кончается 1889 гг. Въ половинѣ Января протоіерей Иларіоновъ писалъ: „Въ Харьковѣ вызвали оживленный говоръ два событія: уходъ губернатора въ Псковъ и переводъ Ахтырскаго училища въ Сумы. Первое совершилось, послѣднее началось. Уходъ губернатора произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, хотя Харьковцы, по принятому обычаю провожать всѣхъ обѣдами, давали обѣдъ и для Искуля, на которомъ, конечно, говорилось множество рѣчей, наполненныхъ лестью и ложью, такъ какъ Искуль для Харькова ничего добраго не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать въ короткое пребываніе (два года); къ тому же онъ истый Нѣмецъ, до мозговъ въ костяхъ проникнутый одною мыслию всюду приносить пользу Нѣмцамъ. Давая обѣдъ дворянамъ у себя въ квартирѣ, онъ, между

прочимъ, высказался такъ: вы, господа дворяне, не думайте, что я имѣю какія либо симпатіи къ архіерею¹⁾; я Лютеранинъ и ничего съ нимъ не могу имѣть общаго; я всецѣло принадлежу вамъ. Губернаторъ часто противодѣйствовалъ нашему владыкѣ. Такъ, когда владыка запретилъ освящать Коммерческій Клубъ; украшенный изображеніями женщинъ, совершенно обнаженныхъ, и купидонами со всѣми безобразіями, то губернаторъ принялъ отвѣтственность на себя и настоялъ на освященіи. Одни за это изъ лести благодарили губернатора; другіе и теперь ропшутъ, что въ православномъ обществѣ допущено такое безобразіе, и дѣтей своихъ въ клубъ не пускаютъ. Успѣлъ оговорить и очернить Харьковское духовенство предъ Государемъ, назвавъ его въ своемъ докладѣ вымогательнымъ, а полиціи далъ право тѣснить духовенство. Урядники начали составлять протоколы о служебныхъ дѣйствіяхъ духовенства, а исправники вмѣшиваться въ постройки церквей и другія дѣла епархіальнаго вѣдомства. Вашъ губернаторъ, хотя и носитъ фамилію одной изъ грозныхъ рыбъ²⁾, но человѣкъ мягкій, благожелательный и миролюбивый“.

Упомянувъ о смерти уроженца Тверской губерніи, бывшаго Варшавскаго ректора, а потомъ попечителя Одесскаго учебнаго округа П. А. Лавровскаго, преосвященный Савва, со словъ некролога, говоритъ, что „очень важное значеніе будетъ имѣть со временемъ „Дневникъ“ П. А., который онъ велъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, со студенческой скамьи до гробовой доски. Даже въ день своей смерти онъ успѣлъ еще вписать въ этотъ „Дневникъ“ полторы страницы о продуманномъ и прочувствованномъ въ послѣдніе сутки, и затѣмъ почувствовалъ въ груди роковой уколъ, который черезъ 6—7 минутъ пресѣкъ его трудовую жизнь. Такъ жилъ и умеръ, съ перомъ въ рукѣ и думой на челѣ, этотъ замѣчательный ученый, просвѣщенный администраторъ и честный гражданинъ.“

Витебскій протоіерей В. И. Волковъ писалъ Саввѣ: „Очень интересно мнѣ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ епископъ Анатолій бородастый?... Говорятъ, что митрополитъ не хотѣлъ его хиротонисать; но неудобно было докладывать Государю, что Анатолій не годится... Неожиданно Анатолій назначается... Пожалуй и П....а поставятъ. На все воля Божія и начальства: будемъ вѣрить, что все къ лучшему... Но лучше ли церкви православной, народу православному, нынѣ быстро развращаемому именующеюся интеллигенціей. Чтò, напр., можетъ сдѣлать или сказать Анатолій? Для него трудно записку написать; какъ же можетъ онъ понять и обнять обширное, трудное и весьма сложное дѣло управленія епархіей? Чудно! Въ консисторіи онъ сидѣлъ противъ меня: я часто наблюдалъ, какъ онъ сочинялъ записки въ лавку Середнякова отпустить продукты... Напишетъ одну, сорветъ, напишетъ другую, сорветъ, третья или четвертая только удастся. Но иногда онъ рисковалъ браться въ бой на перьяхъ—давать свое мнѣніе. Это была настоящая комедія.

1) Амвросію, архіепископу Харьковскому.

2) Сомовъ.

Возьметъ дѣло и везетъ его домой, черезъ мѣсяцъ везетъ его къ Ляшкевичу (это его голова, сердце и руки, но только такія, которыя сосали его). Ляшкевичъ читаетъ дѣло и пишетъ нѣчто, ибо не знаетъ, что нужно писать; Анатолій не можетъ ясно сказать, чего ему хочется. Ляшкевичево писаніе онъ переписываетъ себѣ въ видѣ своего черныка, а тогда уже набѣло... Я говорю вамъ, что это безмысленная и потѣшная была комедія. Подобенъ ему и П...ъ, но съ тою только разницею, что Анатолій добродушенъ и не склоненъ дѣлать зло, радъ помочь человѣку и принять живое участіе въ горѣ ближняго; П...ъ же это злобная личность, способная ко лжи, клеветѣ и злу. Анатолій же боекъ на перѣ, и вообще умный человѣкъ, но горе: помѣшался на дипломатіи и политикѣ. Ему кажется, что онъ такой тонкій и хитрый дипломатъ, что перехитрилъ бы Бисмарка и Биконсфильда, но въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ его обманываютъ и хвостъ его прищелкиваютъ. Бывши въ Витебскѣ, предъ назначеніемъ въ Аѳины, преосвященному Викторину¹⁾ наклеветалъ на меня, а мнѣ на Викторина. Тотъ и говоритъ мнѣ: а знаете, что говорилъ мнѣ Анатолій о васъ? и рассказалъ... А я говорю. А мнѣ о васъ вотъ то и то... когда Вы были въ Академіи съ нимъ²⁾.—Вѣрю, вѣрю... такая его несчастная натура; онъ когда учился въ Академіи, то постоянно ссорилъ товарищей. Но благодать Божія при хиротоніи да перемѣнитъ натуру его!.. Услыши, Господи, молитву сію“!

Въ подлинныхъ Запискахъ почти всѣ имена кромѣ П. означены полностію. П. былъ впослѣдствіи епископомъ. Да это и понятно. „Нигдѣ сословный духъ не обнаруживается съ такою силою“, писалъ покойный профессоръ С. Петербургской Духовной Академіи Ростиславовъ, „какъ въ монашескихъ орденяхъ, принадлежать ли они къ буддизму, магометанству или христіанству. Наше монашество находится тоже подъ вліяніемъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣчествомъ, и въ немъ преобладаетъ сословный духъ даже болѣе, нежели въ прочихъ сословіяхъ, и очень естественно: лица почти всѣхъ прочихъ сословій не привязаны къ нимъ несокрушимыми цѣпями; военный человѣкъ можетъ сдѣлаться гражданскимъ чиновникомъ, купецъ перейти въ собственника землевладѣльца, а прежде переряжался даже въ барина; но монахъ не можетъ оставить своего сословія, не лишившись всѣхъ правъ такъ называемыхъ свободныхъ сословій; онъ отказался отъ всего, всѣ его интересы сосредоточены въ его же сословіи. Поддерживая ихъ, онъ думаетъ поддержать и защищать себя на цѣлую жизнь. Такое настроеніе проявляется не только въ низшихъ, но и въ высшихъ членахъ монашества; въ послѣднихъ даже сильнѣе, нежели въ первыхъ. Причина этому весьма понятна. Низшіе члены еще не успѣли усвоить себѣ сословнаго духа, не научились быть равнодушными къ интересамъ другихъ сословій; высшіе же члены, пройдя по всѣмъ почти ступенямъ монашеской лѣстницы, усиѣвши привыкнуть къ выгодамъ,

¹⁾ Любимову, еп. Полоцкому 1874—1882 г.

²⁾ Съ 1848—1852 г.

соединеннымъ съ иночествомъ и очень равнодушно относиться къ мірянамъ и къ бѣлому духовенству, не любятъ останавливаться ни предъ какими препятствіями. При томъ на долю низшихъ членовъ достаются не всѣ выгоды и не въ очень большихъ размѣрахъ, тогда какъ высшіе члены пользуются ими сполна и во всей обширности. Какъ же имъ не поддерживать привилегій своего сословія?“

„Къ поддержанію и даже увеличенію монашескихъ привилегій располагаютъ духовное начальство другія соображенія. Наше монашество давно уже старается удержать свое *status quo*; на всякое ограниченіе своихъ привилегій, на всякую уступку изъ захваченныхъ правъ оно готово отвѣчать, подобно Пію IX, *non possumus*, или подобно старинному генералу Іезуитовъ, *simus ut sumus* (впрочемъ не прибавляютъ *aut non simus*). Оно по доброй волѣ ни за что не разстается и не разстанется съ начальническими должностями въ семинаріяхъ и въ академіяхъ, ни одного протоіерея даже вдоваго не сдѣлаетъ епископомъ, если онъ не поступитъ напередъ въ монашество; даже по какимъ-либо крайнимъ обстоятельствамъ надѣваетъ саккосъ и омофоръ на протоіерея, или священника, переименованнаго въ іеромонаха или архимандрита. Такимъ людямъ, за ихъ сочувствіе къ бѣлому духовенству, оно не довѣряетъ. Но выше было замѣчено, что число дѣльныхъ людей, которые поступали бы въ монашество, не велико и постоянно уменьшается. И это бываетъ теперь, когда монашество, особенно прогрессисты, пользуются такимъ множествомъ привилегій, когда на его слабости, неисправности и проступки смотрятъ сквозь пальцы. Что же будетъ, если вдругъ эти привилегіи уничтожить, если монаховъ станутъ судить люди безпристрастные такъ же строго, какъ теперь судятъ бѣлое духовенство? Вотъ почему монашествующіе стараются удержать *status quo*, и между ними не много найдется людей, которые имѣли бы столько генія, смѣлости, возвышенности душевной, благородства въ чувствованіяхъ, чтобы рѣшиться на реформу. Они видятъ грозящую ихъ ордену опасность, но похожи на того студента Московской Академіи, который, вступая въ монашество, сказалъ товарищамъ: „Я еще успѣю до наступленія опасности подняться“.

Нѣсколько писемъ изъ различныхъ мѣстъ получилъ преосвященный Савва по поводу пасхальныхъ наградъ. Такъ, Петербургскій протоіерей І. Я. Образцовъ писалъ: „Великій праздникъ Пасхи въ нашемъ духовномъ мірѣ не проходитъ безъ особенныхъ волненій, для иныхъ радостныхъ, а для другихъ и скорбныхъ, какъ праздникъ, въ который выражается понятіе начальства о нашемъ служеніи... Въ недавнее еще время награды раздавались обыкновенно очень щедрою рукою; теперь это дѣло поограничили, стали сдержаннѣе, и, быть можетъ, оттого еще болѣе лестно стало видѣть себя всякому въ числѣ взысканныхъ особенно монаршею милостью. До васъ дошло уже, конечно, что три наши епископа возведены въ санъ архіепископовъ. Яко челоуѣцы, порадуются конечно, и радости ихъ никто же возьметъ отъ нихъ; но не могу не выразить здѣсь личнаго моего чувства нѣкоторой скорби за Самарскаго преосвя-

щеннаго: онъ не удостоенъ этого сана! За что? По нашимъ соображеніямъ какъ будто бы не обойденъ: получилъ высокій орденъ Св. Александра Невскаго, но все же чувствуется, что не получилъ того, что слѣдовало бы ему получить. Онъ вѣдь епископствуетъ съ 1866 г., тогда какъ изъ возведенныхъ самый старшій (Никаноръ) только съ 71-го года. Не дали ли преосвящ. Серафиму понять, что онъ не на дорогѣ къ митрополитству; но онъ едва ли и помышляетъ объ этомъ и желалъ бы только одного, чтобы не унижали его въ ряду собратій. Да и что это нынѣ значать награды орденами, когда не полагается и показывать ихъ?.. Простите меня, наше высокопреосвященство, что я распространился о предметѣ, быть можетъ, для васъ вовсе неинтересномъ. Преосвящ. Серафимъ, бывшій мой учитель и ректоръ; онъ посылалъ меня въ академію, онъ человѣкъ очень, очень не глупый; онъ могъ бы, при поощреніи, сослужить хорошую службу для нашей православной церкви. Но и это не главное, почему я такъ много наговорилъ по поводу наградъ и ему, и его собратіямъ вышечерченнымъ. Чувствуется и очень сильно, что тутъ есть рука, вся дѣлающая по своему личному усмотрѣнію, дающая ему же что хоцетъ, овому такъ, а овому этакъ!..“

Другой придворный протоіерей объ этомъ же событіи говорить: „Изъ послѣднихъ архіерейскихъ наградъ особенно поразили, говорятъ, сиводаловъ архіепископство Амвросія Харьковскаго и пожалованіе орденомъ Александра Невскаго Серафима, епископа Самарскаго. Ставятъ также вопросъ и относительно пожалованія этого ордена Палладію, архіепископу Казанскому, со времени награжденія котораго не прошло еще трехъ лѣтъ“.

Преосвященный Савва отвѣчалъ: „Немало былъ удивленъ и я нынѣшними архіерейскими наградами, хотя и заранѣе былъ предувѣдомленъ о нихъ. Видно, въ нынѣшнее время, для полученія награды, требуются, сверхъ личныхъ заслугъ и достоинствъ, нѣкоторыя придаточныя обстоятельства. Впрочемъ, такъ бывало и всегда, но да не возлагаютъ уста наша дѣлъ человѣческихъ!..“

18 Іюня отъ своей знакомой монахини, Антоніи Ушаковой, Савва получилъ любопытное письмо. „Прочтите, владыко, прилагаемую у сего вырѣзку изъ газетъ. Нечего сказать, не польстилъ сынамъ Израиля досужій путешественникъ, да и о градѣ Витебскѣ такъ же, какъ о бывшемъ его начальникѣ Фонъ-Валѣ; живописуетъ онъ довольно ярко, хотя и не особенно приглядно. Зато о васъ сказалъ немного, да хорошо! Конечно, я этимъ очень довольна, хотя онъ сказалъ только правду. А бѣдный Витебскъ и бѣдный людъ православный! Сколько на него положено было трудовъ и заботъ! Все уничтожили, готоваго не умѣли сохранить.“

Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи.

„Я сѣзидилъ въ Витебскъ. Витебскъ городъ Русскій... Помѣщики (Поляки) не могутъ забыть своего друга и пріятеля, бывшаго Витебскаго губернатора Валя, который повсемѣстно въ губерніи учреждалъ, расширялъ и открывалъ Польскіе костелы, какъ напр. въ Динабургѣ..., а также позволилъ Евреямъ устроить громадныхъ размѣровъ синагогу... Онъ мѣнялъ Русскихъ чиновни-

ковъ на Польскихъ и Нѣмецкихъ... Особенно велика заслуга г. Валя—истребленіе Витебскихъ архивовъ... Введенные порядки въ Витебской губерніи бросились въ глаза преемнику Валя, новому губернатору князю Долгорукову... Я послѣшилъ въ соборъ Николаевскій каѳедральный, гдѣ читали уже шестопсалміе... Гдѣ же архіерейскій хоръ? спрашиваю я. На дачѣ у архіерея. За всеюнощной онъ никогда не поетъ, самъ владыка (Маркеллъ) не служитъ и въ городъ не приѣзжаетъ. Преосвященный Савва любилъ приѣзжать предъ праздниками ко всеюнощной со всѣмъ своимъ хоромъ, а преосвященный Маркеллъ этого не дѣлаетъ“...

Савва пишетъ: „Быль у меня учитель Астраханской гимназіи Рождественскій, сынъ діакона села Сытькова, Осташковскаго уѣзда. Между разговорами о разныхъ предметахъ онъ сообщилъ мнѣ краткія свѣдѣнія о четырехъ Астраханскихъ архіереяхъ, а именно:

1) Объ Аванасіи Дроздовѣ († на покоѣ съ 7-го Декабря 1876 г.). Обладатель поразительною ученостію и много писалъ, но большею частію свои сочиненія сожигалъ; служилъ весьма рѣдко, а проповѣдей никогда не говорилъ.

2) О Оеогностѣ Лебедевѣ¹⁾ (1870—1874 г.) сохраняется въ Астрахани самая добрая память.

3) О Хрисановѣ Ретивцевѣ (1874—1877), въ послѣдствіи Нижегородскомъ († на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ въ 1883 г.). Сначала былъ строгъ и крутъ, а потомъ обопшелся.

4) Евгений Шерешиловъ „ведетъ свѣтскую жизнь“, мелочной и завистливый, немало доставлявшій заботъ Ярославскому преосвященному Нилу, во время бытности своей ректоромъ Ярославской семинаріи. Во всѣхъ управляемыхъ имъ пяти епархіяхъ оставилъ по себѣ печальную память. Уволенный на покой, онъ скончался въ 1879 г.

Изъ Петербурга Саввѣ писали о Грузинскомъ эзархѣ Павлѣ Лебедевѣ: „У насъ упорный слухъ, что онъ будетъ взятъ оттуда. Тамъ дѣло его дрянъ. Онъ имѣлъ неосторожность, по поводу убійства ректора, весьма рѣзко высказаться о Грузинахъ. Губернскій предводитель дворянства²⁾ написалъ ему дерзкое письмо, въ коемъ требовалъ удалиться изъ Грузіи. Испрошенный крестъ на клобукъ—символь того, что власть желаетъ поддерживать Павла. Деляновъ³⁾ высказалъ митр. Исидору, что Грузины не простятъ Павлу обиды. Въ виду этого явилась мысль взять его въ Синодъ, въ ожиданіи смерти одного изъ старцевъ-митрополитовъ; но эта мысль даже пустившимъ ее въ ходъ показала дикою. Казанскій⁴⁾ заявляетъ, что не пойдетъ въ Грузію „вытаскивать

¹⁾ Митр. Кіевскомъ † 13 Авг. 1900 г.

²⁾ Д. И. Кишіани. См. „Нов. Время“ 1886 г. № 3795.

³⁾ Министръ народнаго просвѣщенія.

⁴⁾ Архіеп. Палладій.

Павла изъ грязи“. Московскій¹⁾ знаетъ все о Павлѣ; ему передали Грузины, и, вѣроятно, съ украшеніями“.

Кажется, въ связи съ этимъ письмомъ Савва писалъ Костромскому преосвященному Александру: „Угрожаютъ и мнѣ изъ Петербурга переселеніемъ за Кавказъ, если еще не въ Вавилонъ, но да сохранить меня всеблагое Провидѣніе отъ плѣна Закавказскаго. Впрочемъ, преосвященный Павелъ, соскучившійся въ Тифлисъ, послѣ посѣщенія К. П. Побѣдоносцева и послѣ монаршаго вниманія, авось продолжитъ тамъ свое пребываніе“.

Въ своемъ письмѣ изъ Харькова протоіерей Щелкуновъ рассказываетъ (какъ онъ выражается) курьезъ, не лишенный трагикомичности. „Недавно поступила къ намъ въ консисторію изъ Курской епархіи жалоба на извѣстнаго вамъ Харьковскаго священника Ч.....а. Теперь онъ служитъ при арестантскихъ ротахъ: знаменательно!.. Сей доблестный мужъ, какъ и вамъ вѣдомо, уроженецъ Курской епархіи, отправился туда къ своимъ родичамъ обрадовать ихъ своею персоною по случаю рожденія у кого-то изъ нихъ сына, и дѣйствительно обрадовалъ! Изливая тамъ свои родственныя чувства, онъ, взявъ сего, вливалъ въ себя, по обычаю, непомѣрно водку, а вслѣдствіе сего пришелъ въ такой родственннй экстазъ, что побилъ въ пріютившемъ его домѣ всю посуду, вышибъ оконныя рамы, опрокинулъ столъ съ яствами и питіями, изломалъ мебель и распужилъ всю собравшуюся на семейное торжество родню. Чтобъ унять потокъ такой родственной любви, дорогого гостя (кому братца, кому дяденьку), связали, презрѣвъ и вопль родственной крови, а затѣмъ всѣ родичи, огуломъ, подали жалобу, изложивъ въ ней все прописанное мною. Но это—трагическая часть дѣла, а вотъ и комическая. О. Ч.....ъ, свѣдавъ о томъ, что на него поступила жалоба отъ неблагодарныхъ родичей, подалъ на нихъ, куда слѣдуетъ, такъ сказать, встрѣчный искъ... за лишеніе свободы! Оно и по дѣломъ имъ: пусть помнятъ, что они посягнули на драгоценную свободу того героя, который побилъ окна Харьковской полиціи (что можно формально доказать...)—но ихъ общій родичъ митрополитъ Московскій Макарій чуть не потребовалъ еще представленія своего племянника „героя“ къ ордену за храбрость. Что было бы теперь, если бы живъ былъ высокопоставленный дядя, патронатствовавшій негодяямъ—племенникамъ и племянницамъ? Полагаю, дѣло это не обошлось бы безъ искушенія и нынѣшнему архипастырю Харьковскому“...

12 Ноября у Саввы проѣздомъ останавливался Кіевскій митрополитъ Платонъ. „Гостилъ двое сутокъ. Много и о многомъ было говорено съ его высокопреосвященствомъ. Въ бесѣдѣ со мною, между прочимъ, выражалъ сожалѣніе о томъ, что, не читавши подписалъ протоколъ о церковной реформѣ; невыгодно отзывался объ епископахъ Курскомъ²⁾ и Вологодскомъ³⁾; выражалъ

¹⁾ Иоанникій.

²⁾ Михаилъ Лузинъ, † 20 Марта 1887 г.

³⁾ Израилъ Милулицкомъ, † 23 Апрѣля 1894 г.

мысль объ архіереѣ оберъ-прокурорѣ въ Синодѣ, осуждалъ избытокъ чиновниковъ въ Синодѣ и самовольное распоряженіе синодскими суммами. Удивилъ меня старецъ своими странными воззрѣніями на нѣкоторые предметы, какъ то относительно запрещенія вступленія въ 4-й бракъ и въ 4-й степени отъ двухъ родовъ; относительно возвращенія крещенной Еврейки въ жидовство. Была рѣчь о новой Еврейско-христіанской сектѣ Рабиновича“.

Далѣе Савва въ письмѣ къ Ярославскому преосвященному Іонаѳану скорбитъ: „Неожиданно и странно для меня. Желтиковъ монастырь вручаютъ управленію Харьковскаго викарія, епископа Геннадія. Послѣ 18-лѣтняго возсѣданія на трехъ викаріатскихъ каедрѣхъ, онъ, бѣдный уклоняется, наконецъ, подъ сѣнь святителя Тверскаго Арсенія. Ему здѣсь, конечно, будетъ спокойно, но буду ли я покоенъ съ нимъ? Преосвященный Геннадій вамъ извѣстенъ съ академической скамьи, а я вовсе его не знаю. Прошу васъ, святой владыка, сообщить мнѣ характеристику его, если можно, подробнѣе, дабы я могъ знать, какъ относиться къ нему“.

Надо прибавить, что передъ этимъ одинъ изъ синодаловъ писалъ Саввѣ: „Не ищите настоятеля въ Желтиковъ; вамъ пришлютъ туда архіерея, котораго убираютъ, чтобы не мозолилъ глазъ; это—Геннадій Сумскій“.

Этотъ Геннадій Левицкій родился въ 1818 г. въ Херсонской г. Былъ священникомъ, но овдовѣвъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, гдѣ и постригся. Былъ помощникомъ ректора и инспектора Херсонской семинаріи, ректоромъ Саратовской и Тамбовской семинарій; наконецъ, въ 1860 г. достигъ званія члена Петербургской Консисторіи. Въ 1822 г. посвященъ въ Сарапульскаго епископа, въ 1872—Кинешемскій, въ 1883 г.—Сумскій. При его не совсѣмъ спокойномъ характерѣ и частой необходимости, выражаясь словами мудраго Филарета, „затворяться въ келіи“, онъ явился нежелательнымъ гостемъ для преосвященнаго Саввы. Дѣйствительно, онъ причинилъ ему немало огорченій. На запросы къ разнымъ лицамъ, Саввѣ поступали отвѣты, что Геннадій былъ особенно антипатиченъ Харьковскому владыкѣ Амвросію, у котораго онъ былъ викаріемъ и имѣлъ много странностей. Митроп. Іоанникіемъ возбуждался было вопросъ въ Св. Синодѣ о самостоятельной для него каедрѣ, но митрополитъ Платонъ Кіевскій, бывши въ Харьковѣ и посѣтя Геннадія, лично убѣдился въ его непригодности: у него есть странности, которыя обостряются по временамъ, и докторъ объясняетъ это проявленіемъ душевной болѣзни. Полтавскій преосвященный Іоаннъ безъ конвульсій не могъ слышать даже и имени Геннадія.

По пріѣздѣ Геннадія въ Тверь Савва сѣтовалъ архіеп. Теофосту, что Геннадій, явившись 16 Декабря, успѣлъ уже „заболѣть“ такъ, что и въ праздникъ Рождества не выходилъ даже въ церковь. И не удивительно. Послѣ 18-лѣтняго пребыванія на трехъ *викаріатскихъ* каедрѣхъ, монастырскій покой не особенно долженъ быть желателенъ и успокоителенъ для сердца, не чуждаго стремленій къ высшимъ почестямъ. Потому Геннадій вздумалъ ѣхать въ Палестину и уже отправился, но по какимъ-то причинамъ его не выпустили изъ Одессы, и онъ явился обратно. Въ 1890 г. отиѣвали генерала Еропкина.

На его погребеніе, пишетъ Савва, неожиданно явился во Владимирскую церковь преосв. Геннадій и своими странностями произвелъ немалый соблазнъ. Въ концѣ концовъ Савва долженъ былъ самъ ѣхать въ Петербургъ и просить, чтобы Геннадія безъ замедленія перевели въ Козловскій Тамбовскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ еще около двухъ лѣтъ и умеръ въ 1893 г.

Вообще подобнаго рода архіереи „затворники“ или, по семинарскому выраженію, „собесѣдники ангеловъ“ на покой немало причиняютъ и горя, и хлопотъ мѣстнымъ преосвященнымъ. Особенно это испыталъ преосв. Іонаванъ, когда въ Ярославскую епархію былъ посланъ неизвѣстно для какой цѣли одинъ уволенный епископъ. И только избраніе этого затворника въ члены мѣстнаго клуба избавило добродушнаго владыку отъ безпокойнаго сослуживца.

„11 Іюня“, заноситъ въ свой дневникъ Савва, „вечеромъ пріѣхалъ изъ Москвы секретарь Синодальной Конторы, С. П. Словолюбовъ. Много было говорено съ нимъ о Москвѣ, и въ частности о Синодальной Конторѣ, куда недавно избранъ былъ оберъ-прокуроръ изъ акцизныхъ чиновниковъ Владимирской губерніи, Андрей Николаевичъ Шишковъ. Онъ не отличается высокимъ образованіемъ, съ церковными дѣлами вовсе не знакомъ, но обратилъ на себя вниманіе оберъ-прокурора, по указанію его брата, живущаго въ Рязанской губ., своею наружною набожностью, хотя въ сущности, какъ послѣ оказалось, далеко не отличается внутреннимъ благочестіемъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ и довѣріемъ К. П. Побѣдоносцева, Шишковъ весьма неуважительно относится къ членамъ Конторы и даже къ митроп. Іоанникію“.

„9 Октября“, пишетъ Савва, „посѣтилъ меня вечеромъ бывший военный министръ въ Болгаріи, г.-маіоръ Александръ Вас. Каульбарсъ, съ супругою Екатериною Владимировною (рожденною Желтухиной). Много интереснаго сообщилъ онъ о послѣдней Турецкой войнѣ за Болгарію, о Болгарской конституціи, объ избраніи на княжество Болгарское князя Александра Баттенберга; о лукавыхъ дѣйствіяхъ генерала Эйрота: о командированіи въ Болгарію его, Каульбарса и Соболева; о враждебныхъ отношеніяхъ канцлера князя Горчакова¹⁾ къ князю Бисмарку, вслѣдствіе появленія въ печати Французской брошюры, гдѣ проведена была параллель между ними, не въ пользу перваго; о неблагонамѣренныхъ вообще дѣйствіяхъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“.

21 Октября Витебскій протоіерей Волковъ писалъ: „Преосвященнаго нашего²⁾ поразило величайшее несчастіе. Сынъ его Θεодосій, отставной поручикъ Попель, зачисленъ былъ на службу при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій, но два года тому назадъ, получивъ отпускъ, безвыѣздно жилъ въ Парижѣ, получая отъ папаши ежемѣсячно 300 р. Отъ природы кутила, на такія средства онъ жилъ тамъ нехудо... Въ Ноябрь мѣсяцѣ умеръ непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія Дрисенскаго уѣзда. Преосвященный про-

¹⁾ † 27 Февраля 1883 г.

²⁾ Маркелла Попеля † 1903 г.

силь губернатора на мѣсто умершаго представить сына его. Губернаторъ представляетъ. Преосвященный и губернаторъ пишутъ письма г. оберъ-прокурору, прося его ходатайства. Попеля утверждаютъ непремѣннымъ членомъ, а Попель почти въ тотъ-же день въ Парижѣ убиваетъ свою любовницу и себя... Въ Воскресенье 13 Декабря послѣ литургіи я былъ у преосвященнаго, и онъ такъ радостно хвалился мнѣ о назначеніи сына его непремѣннымъ членомъ, рассказывая всю исторію хлопотъ и радуясь, что наконецъ онъ вытащитъ сына изъ Парижа, а вечеромъ онъ и губернаторъ получили телеграммы изъ Парижа, что Попель совершилъ убійство и самоубійство. Вещи всѣ прислали. Но мнѣ кажется, что не замедлятъ прислать и счета.... Мы всѣ чрезвычайно скорбимъ за преосвященнаго... Сыну его туда и дорога; но такой скандалъ архіерею—это ужасно!“

Въ своихъ письмахъ преосв. Алексѣй Литовскій жаловался на безпорядки въ университетахъ. Савва, отвѣчая ему, добавлялъ, что слышатся безпорядки и въ нашихъ расадникахъ высшаго просвѣщенія. Съ давняго времени ходитъ слухъ объ учрежденіи въ Москвѣ Духовной Академіи, но онъ до сихъ поръ остается слухомъ, можетъ быть и къ лучшему. Этой мысли не сочувствовалъ и покойный владыка Филаретъ.

На запросъ Саввы бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи, протоіерей Смирновъ, писалъ: „Объ Академіи, кромѣ худого ничего не могу сказать вамъ. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Академія замѣтно клонится къ упадку. Ректоръ за малые проступки изгоняетъ изъ Академіи лучшихъ студентовъ. Такъ изгналъ онъ опять студентовъ IV курса, которымъ оставалось учиться только полгода. Въ числѣ ихъ не пощаженъ и первый студентъ, весьма даровитый Сергіевскій, сынъ Филарета Александрыча, стоявшій въ первомъ пяткѣ. Безучастность и апатія проглядываютъ въ каждомъ распоряженіи ректора. Студенты крайне раздражены и проявляютъ свое недовольство на субинспекторѣ-монахѣ, питомцѣ Кіевскомъ, котораго оскорбляютъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Академія наша, стоявшая столько времени впереди другихъ, потеряла свой авторитетъ и предоставлена чуждымъ для нея пришельцамъ изъ Кіева и Казани. Пошли намъ Господи митрополита не изъ чуждыхъ для Москвы питомцевъ!“

30 Октября Савву посѣтилъ С.-Петербургскій протоіерей В. Я. Михайловскій. „Много было говорено съ нимъ о разныхъ важныхъ и неважныхъ предметахъ; между прочимъ, онъ передавалъ мнѣ слова Казанскаго архим. Сергія (Васильевскаго) объ извѣстной патронессѣ духовныхъ лицъ Базилевской, у которой еженедѣльно, по Четвергамъ, трапезуетъ извѣстная высокая духовная персона. Она жаловалась-де о. Сергію, что эта персона никогда не заводитъ съ нею рѣчи ни о Богѣ, ни о загробной жизни, а забавляетъ ее суетными разговорами и пошлыми анекдотами“.

Объ этой персонѣ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторые іерархи оставили немало замѣтокъ, а одинъ изъ нихъ, преосв. Порфирій Успенскій, даже дословно привелъ и ядовитый апологъ Аскаченскаго *).

*) „Русскій Архивъ“ 1905, III.

Любопытное письмо получилъ Савва отъ извѣстнаго канониста профессора А. С. Павлова, который, между прочимъ, сообщаетъ, что К. П. Побѣдоносцевъ обращался къ нему съ просьбою дать отзывъ по вопросу: „есть ли твердое каноническое основаніе для принятаго у насъ правила осуждать на всегдашнее безбрачіе лицо, бракъ котораго расторгнуть по нарушенію имъ супружеской вѣрности? Я отвѣчалъ: нѣтъ, хотя мнѣ хорошо было извѣстно, что мой преосвященный товарищъ по наукѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, далъ прямо противоположный отзывъ“.

„31 Марта меня посѣтила Е. Н. Эккъ. Бывши въ Петербургѣ, она видѣлась съ К. П. Побѣдоносцевымъ и слышала отъ него укоризненные отзывы о всѣхъ Русскихъ архіереяхъ, не исключая, конечно, и Тверского“.

И пишущій эти строки неоднократно слыхалъ отъ всесильнаго оберъ-прокурора: „Да какіе у насъ архіереи, гдѣ мнѣ ихъ взять-то?“ Причемъ онъ обыкновенно хватался за голову. Не даромъ кн. В. А. Долгоруковъ, какъ пишетъ Савва, называлъ К. П. „просто пономаремъ“. Да и самъ Савва въ письмѣ къ сенатору Сомову говоритъ: „Вы справедливо изволите называть склонность К. П. порицать и осуждать архіереевъ болѣзнью. И эта болѣзнь въ немъ застарѣлая и едва ли излѣчимая. Поэтому надо смотрѣть на нее болѣе съ сожалѣніемъ, нежели съ огорченіемъ. Но онъ, конечно, лучше и благонамѣреннѣе поступалъ бы, если бы старался чаще входить съ архіереями въ личныя и непосредственныя сношенія вмѣсто того, чтобы судить о ихъ дѣйствіяхъ по навѣтамъ и клеветамъ людей пристрастныхъ и неблагонамѣренныхъ“.

О голосистыхъ протодьяконахъ существуютъ цѣлыя легенды, относительно ихъ чревоугодія и умѣнья говорить „ворчкомъ предъ облаченіемъ“. Вотъ какое описаніе получилъ Савва изъ Витебска о смерти голосистаго архіерейскаго протодіакона Нектарія. Онъ „въ Субботу передъ сыропустнымъ Воскресеньемъ, послѣ всенощной, сказавъ, что завтра будетъ служить со мною, въ 9 часовъ отправился въ трактиръ ужинать, съѣлъ тамъ, какъ оказалось, при допросѣ, до 35 блиновъ, двѣ тарелки капусты, нѣсколько кусковъ рыбы, порядочно выпилъ водки, бутылки три пива и двѣ кружки квасу. Въ половинѣ 11-го часа, по возвращеніи изъ трактира, Нектарію сдѣлалось дурно; онъ вышелъ изъ келіи и встрѣтившемуся ему архіерейскому келейнику сказалъ, что идетъ въ аптеку. Вошедши въ аптеку, потребовалъ лѣкарства и врача; пока въ аптекѣ возились съ больнымъ, прибылъ врачъ и сказалъ: ведите его скорѣе домой, онъ сейчасъ умретъ. Какъ человѣка тяжелаго, его едва четверо дотащили до келіи, гдѣ онъ легъ въ постель и скончался“.

Савва почему-то особенно ходатайствовалъ въ Синодѣ о признаніи Аѳонскаго монаха Аѳанасія въ іеромонашествѣ и къ своему огорченію получилъ письмо К. П. Побѣдоносцева, который писалъ: „Вы по всей вѣроятности не знаете сего Аѳанасія. Это одинъ изъ первозрядныхъ негодяевъ, развратниковъ и мошенниковъ, почему онъ отрѣшенъ былъ отъ Мирликійской часовни и высланъ изъ Петербурга, а если бы вновь появился здѣсь, то будетъ высланъ

черезъ полицію. Весьма сожалѣю, что онъ успѣлъ проникнуть въ Тверскую епархію. Здѣсь въ свое время беззаконія его стали извѣстны и Государю Императору, хотя онъ по своей хитрости успѣлъ склонить на свою сторону покойнаго В. Б. Бажанова“. Это заключеніе К. П. подтвердилъ и синодскій чиновникъ Гавриловъ, сообщавшій, что „Аѳанасій по душѣ грязный человѣкъ, учившій нѣкоторыхъ Петербургскихъ барынь-ханжей безстрастію возбужденіемъ плотскихъ страстей... Пусть ходатайствуютъ за него Петербургскія его доброжелательницы, но вы дальше стойте отъ проходимцевъ“.

Драма Аверкіева: „Ульяна Вяземская“ затронула чувство преосвященнаго Саввы, и онъ 20 Января писалъ къ К. П. Побѣдоносцеву, чтобы онъ обратилъ вниманіе на эту драму и употребилъ законныя мѣры къ воспрещенію играть ее, для забавы праздной толпы, на театрахъ, и тѣмъ прекратилъ явную профанацію священнаго имени Іуліаніи.

Любопытенъ отвѣтъ К. П. Побѣдоносцева. „Справившись по письму вашему, я узналъ, что драма Аверкіева: „Кн. Ульяна Вяземская“—вещь очень старая. Она была разрѣшена къ представленію цензурою въ 1874 г. Съ тѣхъ поръ играли ее неоднократно въ Москвѣ и въ провинціальныхъ городахъ, но успѣха она не имѣла, и потому не давалась въ Петербургѣ. Теперь не знаю, почему вынули ее изъ-подъ спуда и стали давать, но вѣроятно тоже скоро снимутъ, ибо успѣха не видно. Въ такихъ обстоятельствахъ не знаю, удобно ли и полезно ли будетъ придавать ей интересъ перепискою о ея запрещеніи. Она несомнѣнно умретъ вскорѣ естественною смертію“.

31 Марта заноситъ Савва въ свой дневникъ, что прибылъ въ Тверь мимоѣздомъ изъ Петербурга Кіевскій митроп. Платонъ. „Въ бесѣдѣ со мною онъ жаловался: на косность и нерасположеніе митроп. Исидора къ какимъ бы то ни было переменамъ въ церковномъ управленіи; на оберъ-прокурора за уклоненіе отъ доклада его записокъ по разнымъ предметамъ; на то, что его письма къ Государю и Государынѣ о дѣлахъ церковныхъ остаются безъ послѣдствій. Сообщилъ, что съ Московскимъ митроп. Іоанникиемъ былъ небольшой ударъ, быть можетъ, по поводу присланнаго ему изъ заграницы открытаго печатнаго письма“.... Жаль, что не полностью помѣщены эти разговоры, а содержаніе письма замѣнено точками.

Въ письмѣ Уфимскаго протоіерея Соловьева немало помѣщено свѣдѣній о Волинскомъ архіереѣ Агаѳангелѣ († 1876 г.) и объ Уфимскомъ Діонисіи († 1896 г.). О послѣднемъ дается особенно хорошій отзывъ: „Опытность и трезвенность его ума удивительны! Дай Богъ почаще такихъ архіереевъ. Недавно соборяне кафедральные (протоіерей и ключарь) были отданы подъ слѣдствіе за халатное обращеніе съ документами церковными, и около полугода были устранены отъ членства въ консисторіи, находясь въ это время на половинномъ жалованьи. По окончаніи слѣдствія владыка штрафовалъ ихъ по 50 р. Ключаря, любимца преосвящ. Никанора, пересталъ брать съ собой по епархіи, ибо онъ бралъ съ священниковъ и старость много денегъ въ свой карманъ, отъ 15 до 50 р.; въ иную поѣздку собиралъ до 2000 р. Послѣ сего неудиви-

тельно, что ключарь (онъ моложе меня), семинаристикъ имѣлъ четверку лошадей, каждая лошадь стоила по 200 р., и крытые—фаэтонъ и санки. Впрочемъ онъ и теперъ тоже имѣеть. Однако, владыка его совсѣмъ не отстраняеть, а когда ѣздитъ служить въ приходскія церкви, возитъ его съ собою въ каретѣ. Теперъ по всей Уфѣ трактуютъ о словѣ преосв. Одесскаго Никанора. Какъ онъ смазалъ Русскую честь и народность! Неужели ему все это пройдетъ? Неужели онъ все будетъ играть своимъ словомъ и бить неповинныхъ людей? Кого прославилъ и восхваляилъ? Жидовъ! Немудрено, что Жиды теперъ преподнесутъ ему свой многотомный Талмудъ. Библия уже поднесена“.

„Ключари, письмоводители и т. п., какъ фавориты и наперсники, писалъ профессоръ Ростиславовъ, бывають не только у важныхъ особъ, но и у начальниковъ невысокаго ранга. Но если существуетъ такое множество разнообразныхъ причинъ, которыя почти роковымъ образомъ заставляють нашихъ преосвященныхъ имѣть близъ себя фаворитовъ, наперсниковъ, временщиковъ и пр. и имъ слѣпо довѣряться, то почему не избирать бы для этого не лакеевъ, не письмоводителей изъ приказныхъ консисторскихъ, не экономовъ изъ исключенныхъ семинаристовъ? Почему не предпочесть имъ людей съ благородною душою, съ образованнымъ умомъ, съ возвышенною нравственностію? Развѣ ихъ нельзя найти въ губернскомъ городѣ, или почти въ цѣлой епархіи, между духовными и свѣтскими лицами? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ прежде всего надобно сказать, что умный и нравственный человѣкъ не захочетъ быть фаворитомъ и временщикомъ кого бы то ни было. Но кромѣ этой общей причины можно указать на нѣсколько другихъ частныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ особое значеніе относительно преосвященныхъ. Человѣкъ умный, особенно съ благородною душою, съ нравственными качествами не любитъ раболѣпствовать предъ кѣмъ бы то ни было, быть, хоть даже изрѣдка, слѣпымъ исполнителемъ несправедливостей, особенно ихъ присяжнымъ и обязательнымъ защитникомъ. Съ другой стороны тѣ изъ нашихъ преосвященныхъ, у которыхъ временщики и фавориты бывають чуть не всемогущими распорядителями по епархіальнымъ дѣламъ, удерживають за собою часть самостоятельности и требуютъ, чтобы имъ слѣпо повиновались тамъ, гдѣ они этого желаютъ, и чтобы желанія эти облекались въ законную форму. Умный и вмѣстѣ благородный человѣкъ, чего добраго, тутъ еще примется доказывать, даже къ большой бѣдѣ основательно доказать, незаконность и неосновательность требуемаго и все-таки этимъ не измѣнить мыслей своего патрона. Ну и теперешніе любимцы и наперсники архіереевъ не очень щекотливы и притязательны. Видя настойчивое требованіе своего покровителя, они не стануть противорѣчить ему, дадутъ всему законную обстановку, даже постараются предупредить желанія, или успокоить колеблющуюся совѣсть. Скажите, зачѣмъ же такихъ услужливыхъ, догадливыхъ и преданныхъ слугъ замѣнять упрямыми, которые не умѣють кстати сдѣлать уступку и услугу? Рѣдкій изъ насъ не желаетъ скрывать свои слабости, недостатки и особенно важные пороки отъ людей близкихъ къ себѣ, даже отъ своихъ любимцевъ; и если этого нельзя сдѣлать, то старается, по крайней мѣрѣ извинять ихъ необходимостію, или приписывать какимъ-либо благонамѣ-

реннымъ побужденіямъ. Желаніе это бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ самолюбивѣе и чѣмъ выше занимаетъ мѣсто въ обществѣ; тутъ даже хочется и себя и другихъ убѣдить въ своей непогрѣшимости. Въ этомъ отношеніи умные и благородные люди не годятся на вакансіи временщиковъ, наперсниковъ, любимцевъ. Они, особенно если владѣютъ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, слишкомъ скоро поймутъ своего патрона; послѣднему невозможно будетъ предъ ними утаить свои слабости и недостатки и особенно прикрыты ихъ какими-либо благовидными побужденіями. Умный и благородный человѣкъ, но съ энергическимъ темпераментомъ, чего добраго, примется, пожалуй, доказывать, что такія слабости унижаютъ особъ высокаго ранга, что съ ними, во что бы то ни стало, надобно разстаться. А потомъ, увидавши, что его слова не производятъ никакой перемѣны, а даже пробуждаютъ неудовольствіе въ патронѣ, онъ оставитъ его, не захочетъ не только быть, но даже и казаться участникомъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которые такъ часто происходятъ отъ слабостей высокихъ сановниковъ. И потому-то наши преосвященные любятъ держать около себя людей, которые не имѣютъ поводовъ хвалиться своимъ умомъ, не приходятъ въ негодованіе отъ недостатковъ своего милостивца, не станутъ противъ него проповѣдывать крестовый походъ. Одинъ преосвященный, пріѣхавши на новую епархію и узнавши, что при его крестовой есть монахъ, отличавшійся большимъ умомъ, хотя, по правдѣ сказать, любившій заниматься юридическою практикою, сказалъ ему: „Нѣтъ, ты слишкомъ уменъ, ищи себѣ монастырь, а я держать тебя не стану“. Ни одинъ фаворитъ не можетъ быть самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; прихоти его патрона весьма часто должны служить закономъ для него. Умные и благородные люди не ищутъ подобныхъ мѣстъ; а, получивши ихъ, не хотятъ или не умѣютъ долго удержаться на нихъ. Имъ болѣе нравится играть скромную, но самостоятельную роль, нежели имѣть болѣе обширный кругъ дѣятельности, только дѣйствовать именемъ другого и часто быть слѣпымъ его орудіемъ. Притомъ имъ нѣтъ повода дорожить сомнительными и не всегда благовидными милостями патрона; они при своихъ способностяхъ могутъ найти себѣ вездѣ кусокъ хлѣба. Затѣмъ и патроны знаютъ, что отъ такихъ людей вѣчной и безпредѣльной преданности имъ ожидать нельзя. То-ли дѣло люди, которые по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не могутъ рассчитывать на значеніе въ обществѣ; которымъ нужно, такъ сказать, прицѣпиться къ хвосту какой-либо птицы, чтобы подняться на высоту, и которые тотчасъ упадутъ на землю, даже въ какомъ-либо болото,—стоитъ только птицѣ стряхнуть ихъ съ своего хвоста. Такимъ-то людямъ необходимо дорожить милостями своего патрона и оставаться вѣрными ему до конца жизни. Зачѣмъ же теперь нашимъ преосвященнымъ на степень своихъ любимцевъ, намѣстниковъ и викаріевъ, возводить людей, которые по своимъ способностямъ никогда не останутся безъ куска хлѣба и кромѣ того дорожатъ своею самостоятельностью? Съ ними вѣкъ не проживешь. Не лучше ли почтить довѣренностію какого-либо скромнаго келейника или служителя? При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ отъ своей профессіи ему можно рассчитывать на 5—10 р. мѣсячнаго жалованья. Почему же ему на-

всегда не оставаться при томъ человѣкѣ, при которомъ, во званіи податчика или простого даже лакея, кромѣ жалованья онъ можетъ набрать добровольно, невольныхъ приношеній отъ духовенства, даже за тысячу рублей? Не лучше ли почтить довѣренностію своего письмоводителя изъ приказныхъ консисторскихъ? Въ консисторіи мѣсто столоначальника есть крайній предѣлъ его честолюбія. Конечно, онъ не будетъ бѣднымъ, но здѣсь онъ зависитъ и отъ секретаря и отъ членовъ, притомъ нужно не только выпрашивать, а даже выжимать приношенія; да сразу можно попасть подъ уголовный судъ. То ли дѣло мѣсто письмоводителя при преосвященномъ? Начальникъ одинъ; просители сами приходятъ и приносятъ; самъ лично ни за что не отвѣчаешь; все скрѣпляется подписью владыки. А между тѣмъ лѣтъ въ десять можно составить капиталаецъ, который обезпечитъ на цѣлую жизнь. Не лучше ли почтить довѣренностію смиреннаго инока изъ отставныхъ солдатъ или изъ исключенныхъ семинаристовъ? Можетъ быть, онъ въ монастырѣ сдѣлался бы іеромонахомъ, а при счастливыхъ обстоятельствахъ подъ старость казначеемъ и пр. Но то ли дѣло мѣсто эконома и довѣренной особы при преосвященномъ? И набодренникъ, и наперсникъ, ордень Св. Анны, игуменство, архимандрія явятся другъ за другомъ; получай только поздравленія. А главное въ перспективѣ всегда виднѣется настоятельство въ какой-либо святой обители, гдѣ уже самому подъ своимъ начальствомъ можно будетъ имѣть, если не эконома, то казначея. Да и въ архіерейскомъ дому можно, если владыка почтитъ своею особою довѣренностію, нажить порядочное состояніе.“

Хорошо описаніе синодскихъ засѣданій, сдѣланное архіепископомъ Виленскимъ Алексѣемъ. „Впечатлѣнія мои, писалъ онъ 7 Января 1889 г., отъ моего синодскаго сидѣнія не вполне удовлетворительны. Дѣла дѣлаются поверхностно, докладываются докладчиками не всегда толково и не всегда съ достаточнымъ изученіемъ дѣла докладываемаго. При томъ Синодъ въ полной зависимости отъ Канцеляріи въ выборѣ докладываемаго и пускаемаго безъ доклада къ подписи. Взавшій на себя первенство въ синодскихъ сужденіяхъ владыка М-ій*), какъ и вамъ извѣстно, разсуждаетъ энергично, но не всегда правильно, и замѣтить или возразить ему не смѣй: оборветъ. Съ такимъ сочленомъ я никогда и нигдѣ не желалъ бы засѣдать вмѣстѣ. Но Канцелярію въ неудовлетворительномъ ходѣ нашихъ дѣлъ я не виню; во всемъ виноваты мы сами архіереи. Канцелярія же готова сдѣлать все по требованію присутствія. Время, проведенное мною въ Петербургѣ, я считаю совершенно потеряннымъ и нахожу, что на своемъ мѣстѣ сидѣть намъ гораздо полезнѣе. Говори словами Московскаго митроп. Платона, я упражнялся въ ѣздѣ въ Синодъ“.

Недаромъ, какъ отиѣчалъ ранѣе Савва, „Синодъ нашъ остроумцы раздѣляютъ на Святѣйшій и Правительствующій, разумѣя подъ послѣднимъ мірской персоналъ“.

15-го Января Савва наслаждался откровенными бесѣдами съ Троицкимъ архиман. Леонидомъ Кавелинымъ († 1891 г.) „Много было говорено о восточныхъ церковныхъ дѣлахъ, о церковномъ управленіи въ Россіи, о монастыряхъ

*) Разумѣется Іоанникій Рудневъ, митроп. Московскій.

и духовныхъ академіяхъ. По поводу вопроса о возстановленіи въ Россіи патріаршества о. Леонидъ высказалъ такую оригинальную мысль: избраннаго на патріаршій престолъ кандидата, кто бы онъ ни былъ, надобно прежде всего послать на Аѳонскую гору, для усвоенія истиннаго монашескаго духа. Лучшимъ кандидатомъ въ патріархи былъ бы, по его мнѣнію, К. П. Побѣдоносцевъ, если бы онъ не былъ женатъ... О. Леонидъ не одобряетъ быстрого возвышенія молодыхъ ученыхъ монаховъ“.

Вскорѣ Савва получилъ изъ С.-Петербурга отъ сенатора Тизенгаузена такое письмо: „Дошли ли до васъ, Владыко Святый, слухи о страшной государственной измѣнѣ? Капитанъ 1-го ранга Шмитъ продалъ Англійскому военному или морскому агенту планы нашихъ минныхъ загражденій въ Кронштадтѣ. Теперь потребуется болѣе 4-хъ милліоновъ, чтобы соорудить эти загражденія по новому плану. Случилось это очень просто. Агенты говорятъ, что и Германскій тутъ же участвовалъ, узнали, что Шмитъ страшный игрокъ, и вотъ, играя съ нимъ въ карты, они и завлекли его въ свои сѣти. У него хранился ключъ отъ ящика, въ которомъ находились эти планы. Не довольствуясь этимъ, онъ намѣревался передать имъ планъ сосредоточія войскъ и, добывая его въ главномъ штабѣ, онъ попался. На дняхъ его будутъ судить военнымъ полемымъ судомъ. У него четверо дѣтей и двое воспитываются на казенный счетъ“.

2-го Іюня Савву посѣтилъ проѣздомъ изъ Петербурга архіеп. Теогностъ. Онъ сообщилъ ему: 1) „Объ увольненіи на покой преосв. Наѳанаила, епископа Архангельскаго († 1907 г.). Причинами увольненія были: растрата суммъ, немирныя отношенія къ членамъ и секретарю консисторіи и назначеніе двухъ сверхштатныхъ членовъ для оппозиціи штатнымъ. 2) О вызовѣ изъ Санъ-Франциско въ Петербургъ еп. Владимира вслѣдствіе жалобы на него доктора Русселя, котораго преосвященный подвергъ за развратную жизнь церковной анаемѣ. Дѣйствіе епископа Синодъ уничтожилъ, а Руссель, между тѣмъ, предъявилъ искъ къ Владимиру за диффамацию въ 200.000 р. 3) Объ архимандритѣ Иннокентіи, посланномъ въ Санъ-Франциско на мѣсто епископа Владимира. Иннокентій, бывший эконоомъ Александроневской Лавры, получилъ неполное семинарское образованіе (онъ вышелъ изъ средняго отдѣленія семинаріи и не отличался добрыми нравственными качествами), тѣмъ не менѣе хотѣли отправить его въ Америку въ санѣ епископа. Московскій митроп. (Іоанникій) рѣшительно воспротивился этому. 4) О перемѣщеніи на Волинскую епархію епископа Нижегородскаго Модеста, вопреки единогласному рѣшенію Синода, который предназначилъ туда еп. Могилевскаго Сергія. Итакъ вышло по русской пословицѣ: „сила солому ломить“. Слѣдовательно, Синодъ—солома, а сила кто?... Говорятъ, справедливо или нѣтъ, что епископъ Модестъ пожертвовалъ 12.000 рублей на сооружаемую въ Петербургѣ церковь Православнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы. Многое и еще сообщилъ мнѣ почтенный гость, но не нахожу умѣстнымъ заносить это въ свою Хронику“.

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій. 1909. Декабря 1.